

ВЫШЛИ КНИГИ:

СЕРИЯ «ПОЛЫНЬ – СУХИЕ СЛЁЗЫ»:

РАЗРЫВ — ТРАВА ГОРЬКАЯ
СКВОЗЬ ПЕЧАЛЬНЫЕ ТУМАНЫ
ВОЛКИ СМОТРЯТ В ЛЕС
ОТВОРИТЕ МНЕ ТЕМНИЦУ
ГОРЮЧ КАМЕНЬ АЛАТЫРЬ

СЕРИЯ «ГРЕШНЫЕ СЕСТРЫ»:

ЦВЕТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ
ГОРИ, ПИСЬМО ЛЮБВИ
СУДЬБОЮ РВЕТСЯ НИТЬ

СЕРИЯ «ДОРОГОЙ ДЛИННОЮ:

ТВОИ ГЛАЗА БЕЗДОННЫЕ
ТИХОЙ НОЧЬЮ НА СТЕПИ
ЛУНОЙ БЫЛ ПОЛОН САД
ТЫ ОДНА – ВСЯ ЖИЗНЬ
ЖАСМИН ЕЩЕ ЦВЕЛ
ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО
ВЫШЕЛ МЕСЯЦ ИЗ ТУМАНА
ЗВЕЗДЫ НАД ОБРЫВОМ

СЕРИЯ «МАГИЧЕСКИЕ ТРОПИКИ»:

ДЕТИ ЙЕМАНЖИ
ЖЕНЫ ШАНГО

Анастасия Туманова

ТЫ ОДНА – ВСЯ ЖИЗНЬ

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т83

Туманова, А.

Т83 Ты одна — вся жизнь / А. Туманова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 374 с. — (Дорогой длиною).

ISBN 978-5-521-92502-5

Когда-то сиятельный князь Сбежнев сделал предложение юной цыганской певице Насте. Прошло много лет — и постаревший аристократ снова просит руки знаменитой артистки. Настя уже не та девочка, которая когда-то очертя голову сбежала из Москвы с таборным конокрадом. Она свободна: муж оставил ее ради молодой красавицы, дети выросли. Ничто не мешает певице стать княгиней. Ничто — кроме неугасшей любви...

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92502-5

© Туманова А., 2021
© Бенимана Д., оформление, 2021
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

*Автор благодарит Фонд цыганской культуры
и истории Николая Бессонова и артистку
эстрады Ольгу Азарову за предоставленный
материал для оформления обложки.*

Г Л А В А 1

Вечернюю Москву заливало дождём. Апрель 1901 года начался тёплыми ливнями, за несколько дней согнавшими остатки снега, и целый месяц в садах и парках столицы шелестел дождь. По улицам бежали ручьи, с крыш и веток капало, голубые фонари на Тверской и Арбате казались размытыми пятнами в туманных нимбах, так же мутно светились окна домов, трактиров и ресторанов. Даже ночью было тепло и влажно. В воздухе чувствовалось близкое лето, у уличных кошек был загадочный вид.

Ресторан Осетрова в Грузинах светился всеми лампами. Десятка полтора пролёток с поднятыми, мокрыми от дождя верхами выстроились вдоль мостовой. Извозчики ёжились от сырости, прислушивались к доносящемуся из ресторана цыганскому пению. Сквозь залитые дождём стёкла ресторана смутно был виден зал со столами под камчатыми скатертями, натёртый паркет, огоньки свечей, хрусталь. На выстроенных полукругом стульях восседали цыганки, за их спинами стояли гитаристы. Перед хором

стоял Митро, год назад, после смерти Якова Васильева, ставший дирижёром.

Митро взял гитару на отлёт, быстро, по-молодому обернулся к залу. Сдержанно улыбнулся на аплодисменты, попросил тишины и коротко объявил:

— Господа — Настя!

Зал взорвался новой бешеной волной аплодисментов. Они усилились втрое, когда с одного из стульев поднялась женщина в чёрном платье.

Солистке хора недавно исполнилось тридцать восемь лет. Прекрасно сохранившаяся фигура Насти казалась ещё стройнее в строгом платье с узким лифом, выгодно оттенявшем смуглое лицо певицы. К корсажу была приколота бледная роза. В высокой, с воронёным отливом причёске блестел бриллиантовый гребень. Длинные изумрудные серьги бросали искры на спокойное строгое лицо, по которому сразу становилось ясно, как ослепительно хороша была в юные годы примадонна хора. Тонкие брови, внимательный и грустный взгляд тёмных глаз, прямой нос, строгий рисунок губ, бархотка с алмазной капелькой на длинной шее. В полумраке почти незаметны были два неровных шрама, пересекающие левую щеку Насти. Только эти шрамы да скрытая горечь улыбки портили великолепную красоту певицы.

Настя стояла молча, не двигаясь, ожидая, пока улягутся аплодисменты. Дождавшись полной тишины, она обернулась к хору, и из заднего ряда вышел со скрипкой её сын Гришка. Слева подошёл Митро с гитарой. Певучий звук скрипки в тишине оторвался от смычка и поплыл в зал. Осторожно, словно боясь нарушить течение грустной мелодии, мягким перебором вступила гитара. Настя взяла дыхание; усталым, «сломанным», как писали в газетах, движением положила руку на грудь.

*Рука судьбы чертит неясный след...
Твоё лицо я вижу вновь так близко.
И веет вновь дыханьем прошлых лет
Передо мной лежащая записка.
Не надо встреч, не надо продолжать!
Не нужно слов — прошу тебя, не стоит.
А если вновь от боли сердце ноет,
Заставь его забыть и замолчать...*

Тишина в зале стояла мёртвая. Ни за одним столиком не стучали приборы, не звенели, соприкасаясь, бокалы, не слышались разговоры. Даже ловкие половые застыли, кто у столика, кто у буфета, со своими салфетками и подносами, да никто и не обращался к ним. Сам хозяин, Осетров, старик с седой, аккуратно подстриженной бородой и безразличными глазами, вышел из-за буфетной стойки и, заложив большие пальцы рук за проёмы шёлкового жилета, слушал. Лицо певицы оставалось спокойным и серьёзным, ресницы — опущенными. Чистый голос без малейшего усилия уносился на самые отчаянные верхи и падал оттуда на низкие, почти басовые регистры. И только к концу романса Настя подняла ресницы, и в зале увидели, как влажно блестят её глаза.

За одним из столиков тихо всхлипнула женщина. Какой-то молодой человек, отодвинув стул, поспешно вышел из зала. Закончив романс, Настя дождалась последней горькой ноты скрипки, опустила голову. И подняла взгляд, лишь когда зал взорвался бурей.

— Настя! Ура, Настя! Несравненная! Божественная! Чаровница! — кричали восхищённые слушатели.

Певица, сдержанно улыбаясь, раскланялась. Несколько поклонников подошли было с цветами, но их оттеснил сутулый человек лет сорока в измятом гороховом сюртуке

с брюзгливо изогнутым ртом и проплешиной в седых вьющихся волосах.

— А, Владислав Чеславич, добрый вечер! — с улыбкой поприветствовала его Настя. — Что-то давно вас видно не было, не хворали?

— Дела, Настасья Яковлевна, всё дела... Издательство требует рукопись, день-деньской корплю над бумажками... Пришёл к вам с великой просьбой. Вот, не откажетесь ли взглянуть?

Настя приняла свёрнутый лист бумаги, взглянула на мужчину вопросительно. Тот пояснил:

— Текст нового романа. Окажите милость, взгляните на досуге. Если пустяк и пошлость — так и скажите, я ваш старый поклонник и не обижусь. А если, чем чёрт не шутит, не совсем дурно, то...

— У вас совсем дурно не бывает. — Настя улыбнулась, пряча бумагу в рукав. — Непременно прочту завтра и Митро покажу. Он на вас до сих пор за «Сломанную розу» не намолится, второй сезон на бис поёт.

Митро, следивший за разговором, сделал сестре чуть заметный знак: долго беседовать во время выступлений не полагалось. Настя, извинившись, вернулась к хору и села на своё место. Цыгане запели весёлую «По улице мостовой». Владислав Чеславович вернулся к столику в дальнем углу, за которым дожидался, нетерпеливо вертя в пальцах вилку, юноша-брюнет с болезненным худым лицом.

— Приняла?! — выпалил он, едва Владислав Чеславович уселся за стол.

— Разумеется, — усмехнулся тот. — Только не ободряйся, друг мой. Настасья Яковлевна с первого взгляда поймёт, что текст романа — не мой. Как бы мне ещё не пришлось виниться перед ней за этот обман... Но ты не беспокойся, романс более чем сносный. Если Настя согласится принять

его к исполнению, ты загремишь на всю Москву. Лично меня смущает лишь строчка «И бешеный разлом испорченной души». Прямо-таки разит декадентством, причём пошленьким, а поэзия романса требует...

— Какая всё же непостижимая женщина, Заволоцкий, не правда ли? — торопливо перебил его молодой человек, устремив взгляд на сидящую среди цыганок Настю. — Я понимаю, почему по ней до сих пор сходят с ума. От неё так и веет загадкой, тайной древних степей, беззвёздными ночами...

— Вот это Брюсов вас всех испортил, — со вкусом отпивая из бокала портвейн, убеждённо сказал Заволоцкий. — Все эти степные тайны и беззвёздные ночи — досужая выдумка наших стихотворцев. «Сливаются бледные тени, видения ночи беззвездной, и молча над сумрачной бездной качаются наши ступени...» Тьфу! Я чуть не умер, когда прочел, а ведь это было пять лет назад! То, что печатается сейчас, ещё хуже.

— Ёрничаєте, как всегда! — обиженно сказал молодой человек, но Заволоцкий лишь отмахнулся и мечтательно произнёс:

— А вот поверь мне, Костя, что жизнь этой цыганки достойна того, чтобы её описывали Пушкин, Тургенев, Толстой... Молодой Толстой, разумеется, а не нынешний слабоец с его насквозь фальшивым «Воскресением»... И не спорь! Вы по молодости ещё не способны этого понять, а вот погоди, улягутся щенячьи восторги перед яснополянским старцем, вот тогда и...

— Вы хотели рассказать о Настасье Яковлевне, — робко напомнил Костя.

— А? Да... Видел бы ты её в молодые годы, мой милый! Я знал её шестнадцатилетней, и по ней ещё тогда сходила с ума вся Москва! Некий князь даже, потеряв голову, звал под венец, но судьба решила иначе. Настя сбежала в табор за женихом.

— Её муж — таборный цыган?! — поразился юноша. — Вот никогда не поверил бы!

— Бывший... Бывший муж, мой милый. Кстати, история с мужем — тоже сплошная неясность. — Заволоцкий задумался. — Илью ведь я тоже имел честь знать. Колоритнейший был образец, признаться, вылитый Князь тьмы! Совершенно таборная душа, лошадиник, кажется, даже конокрад, невесть каким ветром занесённый в хор... Но пел, крошечник этакий, божественно! В своём роде не хуже самой Насти, редкой красоты тенор, почти итальянской школы бельканто, московские ценители просто разум теряли! Настя тоже не устояла. Да-с. Роковая была любовь и несчастная...

— Он посмел её бросить?!

— Ну-у, не знаю, кто там кого бросил. Они прожили вместе много лет, кочевали с табором, а лет шесть назад снова объявились в Златоглавой. С выводком детей, разумеется. А потом что-то произошло, и вот вам пожалуйста — Настасья Яковлевна осталась со всеми детьми в Москве, в хоре, а Илью как ветром сдуло. И уже сколько времени о нём ни слуху ни духу.

— Что-то произошло... — задумчиво повторил Костя. — Странно это, право. Неужели он нашёл женщину лучше? Трудно поверить.

— Мне тоже, но... Вообще, очень туманная история. Цыгане, я уверен, что-то знают, но этот народ не любит выносить сор из избы. Я имел нахальство несколько раз заговаривать с Настасьей Яковлевной о её супруге — и был очень вежливо, даже с почтением, поставлен на место... Впрочем, Настя несчастной ни минуты не выглядела. Вернувшись, тут же запела «Записку», «Розы в хрустале» — и снова стала первой солисткой! И заметь, даже эти ужасные шрамы ей не помеха! Стоит запеть — и снова красавица, снова богиня...

— А откуда у неё шрамы?